

© 1999 г.

М.Ф. ДОРОГОВЦЕВ

**ТРУДНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СОЦИОЛОГИИ**

ДОРОГОВЦЕВ Михаил Федорович - доктор философских наук, ИСПИ РАН.

Политическая социология как отрасль социологической науки - одно из самых молодых направлений социально-политических исследований в России. Как академическая дисциплина (курс преподавания в ВУЗах, графа в ваковском реестре и пр.) она признана у нас в 90-е годы. Учитывая бюрократизированную структуру научной жизни, можно сказать, что именно с этого времени соответствующие исследования получили право на самостоятельность и развитие. В то же время следует отметить, что политическая социология по своему характеру выступает пограничной дисциплиной и тесно взаимосвязана прежде всего с двумя блоками наук - политическими и социологическими. Данное обстоятельство периодически вызывает ряд вопросов, касающихся предмета и задач исследований, проводимых в ее рамках.

На мой взгляд, подобные вопросы не являются досужими упражнениями любителей научной "строгости". Напротив, они заставляют задуматься о смысле наличной совокупности на первый взгляд фрагментированных исследований, как правило, заземленных на частных, прикладных задачах, к примеру, на выяснении степени электоральной поддержки партий и др. политических субъектов в избирательных кампаниях. Осмысленности, по-видимому, очень недостает и иным социологическим исследованиям, российской социологии в целом. Что имеется в виду? В первую очередь речь идет о выработке определенных теоретических представлений, с помощью которых можно моделировать изучаемую реальность как некоторую целостность явлений, структур, противоречий, процессов, тенденций, а также выдвигать конкурирующие, ценные в научно-практическом плане гипотезы исследования и проектирования будущего сферы политической жизни. Такого рода теоретические представления отнюдь не сводимы к конечному набору понятий, методологий, концепций. Их суть и значение определяются тем, в какой мере и каким образом проблематизируются элементы предметной области данной науки, какие проблемы способна ставить и формулировать данная область научных исследований. В конечном счете от этого зависит качество научного понимания специфики российской социально-политической реальности, роль социологии в решении политико-практических вопросов.

С этой точки зрения политическая социология, на мой взгляд, еще далека от полного самоопределения. Одним из показателей этого состояния исследований выступают дискуссионность суждений о предмете политической социологии и в то же время односторонность и мелкотемье большинства исследовательских программ. Вероятно, многие согласятся с мнением Л.Н. Когана: увеличение количества исследований в сфере политической социологии, главным образом рейтинга тех или иных кандидатов перед выборами, сопровождается доминированием небольших, наспех проведенных заказных работ, в которых при формулировке вопросов нередко заложены политические симпатии и антипатии авторов анкет, стремление предопределить мнение респондентов [1]. Политическая ангажированность исследовательской работы часто подменяет задачи формулировки и анализа проблем. В этих условиях ожидать полноценных научных результатов, очевидно, трудно. Более того, укореняются такие стереотипы понимания исследовательской работы, которые не проясняют, а, мягко говоря, затемняют значение ее теоретико-методологических ориентиров, загоняют исследования в угол эмпирии, руководствующейся лишь обыденными, вненаучными представлениями.

Необходима коррекция ориентиров исследований. Но какая? Камнем преткновения на этом пути выступает, как ни странно, российская политическая наука, другими словами, политология. Если приглядеться, то политология в России представляет собой довольно пестрое и фактически ничем не упорядоченное образование. В 90-х гг. в эту сферу науки ринулись в массовом порядке представители марксистской философии (исторического материализма), научного коммунизма (нередко путем простого переименования кафедр, отделений университетов, как это произошло в МГУ), а также те "аналитики", которые обрели свой опыт и знания в политической практике перестроечной поры, времени расцвета политического плюрализма, образования так называемых протопартий, движений, короче говоря, времени экспериментирования политиков с многообразием политических технологий и программ. Эклектичное совмещение вульгарного марксизма, знаний западной политической науки и интуитивного понимания новой, становящейся технологии посткоммунистической демократии в принципе составило костяк тех представлений, которыми оперирует средний российский политолог. Для него политическая социология всего лишь источник данных для аргументации или контраргументации выдвигаемых прогнозов, проектов политических технологий. Такое положение закрепляется и современной практикой политической жизни, нуждающейся в особом корпусе идеологов, экспертов, пропагандистов. Впрочем, это нормальное требование политической жизни в условиях становления демократии.

Вполне естественно, что экспансия политологии встретила реакцию со стороны политической социологии. Наиболее распространенным приемом размежевания этих дисциплин выступает так называемый сферический подход: «политология в основном изучает лишь одну сферу - политическую, один вид политики - "политическую политику", то есть отношения связанные с государственно-административной властью, ее завоеванием, удержанием, использованием. Политическая социология изучает политику через ее взаимодействие со всеми относительно автономными сферами жизни - экономической, социальной (в том числе - национально-этнической, демографической, экономической и т.п.), политической и духовной» [2]. В качестве примера выбран подход, реализованный в учебном пособии "Политическая социология" (под ред. Г.П. Сопова, Ростов н/Д, 1997), в котором очевидны и плюсы, и минусы рассмотрения общественной жизни на основе спецификации ее различных сфер. В данном случае материал учебной программы усложнен, причем излишне, сведениями, касающимися отдельных аспектов политической жизни: подробно разбираются такие вопросы, как соотношение культуры и политики, экономики и политики, социальной сферы и политики, экологии и политики и т.п., а также соответствующие характеристики различных программ экономической, социальной, экологической, культурной, социально-демографической и т.п. политики.

Но вместе с тем, на наш взгляд, крайне мало говорится о социологических аспектах изучения проблем участия граждан в политической жизни [Там же, с. 51-56]. Обсуждается такой важный фактор политической жизни, как идеология, вернее идеологии, но взаимодействие идеологий и массового сознания индивидов лишь намечено в общих чертах. Сложная социологическая проблема анализа политических ориентаций людей фактически выпала из поля зрения авторов, а, между тем, эта проблема на почве российской реальности обладает особенностями и в отличие от западного общества не так проста, чтобы поддаваться одномерному или двумерному моделированию на основе идеологической типологии [3]. Короче, как представляется, в ростовском учебном пособии не выдержано выделение специфики социологического подхода к изучению политической жизни. Более того, в определении предмета политической социологии - "должна изучать общемировые, общечеловеческие законы функционирования и развития социально-политических отношений, учитывая особенности современной цивилизации и разнообразие ее общественных систем"[2, с. 9], - акцент на законах функционирования и развития по большому счету устраняет различие между этой ветвью социологии и политологией.

Идеи политической социологии в историческом плане получили интересное развитие в учебном пособии В.Д.Виноградова и Н.А.Головина (Политическая социология. СПб., 1997).

"Соскальзывание" социологов на политологическую площадку принимает подчас весьма причудливые формы. В качестве примера отметим статью Ю.Л. Качанова, опубликованную в журнале в 1997 г. [4]. В ней очерчены исходные пункты нового подхода к осмыслению политической жизни с помощью французских социологов, в частности П. Бурдьё. Автор задается целью в максимальной степени обозначить границы автономности сферы политической активности, представить политику как *causa sui*, т.е. как самодостаточный, субстан-

циальный предмет социологического исследования. Автономное поле политики предстает в виде системы политического производства наряду с другими видами общественного производства, например, экономикой. Оно описывается в терминах норм, правил, технологий самопроизводства. Но главное, будучи радикальным противником рассмотрения политики как отражения групповых интересов "гражданского общества", Ю.Л. Качанов выдвигает производство политического капитала (в трактовке Бурдые) в качестве основной мотивации агентов политики (профессиональных политиков, лидеров, лоббистов, экспертов-интеллектуалов, "журналистов" и т.п.) (Там же, с. 3, 9).

В этой модели, названной социологией политики, фиксируется видение политической жизни современным российским политиком-профессионалом. Соответствующие агенты попадают в ситуацию спроса и предложения, конкурируя между собой на рынке политической продукции - политических акций, программ, проектов, агитационных шоу и т.д. "Широкой общественности", гражданам отведена, по-видимому, роль пассивных потребителей. Тот агент политического производства процветает, увеличивает свой политический капитал, чья продукция пользуется наибольшим спросом и, наоборот, чем меньше спрос, тем печальнее перспективы агента. В общем, схема предельно проста и тривиальна. В рамках подобной модели хорошо чувствует себя отечественный политолог, стремящийся отследить политическую конъюнктуру. Ну а как же все-таки быть с "массой", "населением", "гражданами", т.е. с теми, от кого в конечном счете зависят и агенты, и политический рынок, чьи интересы и потребности задают саму возможность политического производства, его изменений?

Автор этот вопрос обходит стороной. Правомерно ли это с позиций социологии? Вряд ли. Даже с точки зрения либерализма информация о массовых потребностях, преобладающая в социуме в состоянии рассеянности, смутности, неопределенности, выступает неперменным условием бескризисного, стабильного функционирования рынка, в том числе политического. Политическая социология и призвана собирать подобную информацию, строить гипотезы о возможных колебаниях состояния политической жизни, настроений индивидов, для которых участие в политике отнюдь не главное дело.

Что же нужно для сохранения позиций политической социологии? Очевидно, следует исходить из понимания гражданского общества как относительно самостоятельного от государственной власти образования, способного изменять структуры политической жизни, определять политику. Можно согласиться с тем, что социология - это наука не об обществе вообще, "а обществе в его социально-человеческом обличий", о человеке в обществе [5]. С этой точки зрения трактовка предмета политической социологии приобретает большую ясность: «Политология идет к проблемам политической жизни "сверху", со стороны государства, политических партий и других организаций, принимающих участие в функционировании власти. Соответственно анализируются их состояние, деятельность, законодательство, программы, заявления и т.д. Политическая социология подходит к этим же проблемам "снизу", от человека, который совсем по-иному воспринимает акции представителей государственной власти, акции политических деятелей, официальные документы и заявления, идущие от политических партий» [Там же, с. 253]. Политическое сознание и поведение характеризуют "снизу", "от человека" состояние и тенденции изменения политической жизни. И в этом главное отличие политической социологии от политологии.

Такой подход пронизывает вновь изданный учебник "Основы политической социологии" (М. - Н. Новгород), в котором с позиций личности рассмотрена главная политическая проблема современной России [6].

Естественно, в учебном процессе обращение к смежным научным дисциплинам (политологии, правоведению) неизбежно и указанная установка политической социологии может отступить на второй план. Но что получается, если подобное происходит с исследованиями политической жизни? Здесь подмена задач непосредственно сказывается на качестве результатов. В последнее время заметно сокращение публикаций в журнале материалов оригинальных исследований. Может быть, это следствие трудностей анализа предвыборной ситуации, крайне неопределенной и отягощенной кризисом власти? Или же происходит какая-то переориентация самих исследователей?

Не претендуя на полноту и законченность, попробую высказать некоторые соображения. В сложившихся условиях, когда накоплен определенный опыт новой российской политической жизни и ее социологического изучения, существует ряд тем, неизменно порождающих вопросы и не очень популярных среди исследователей. К их числу можно отнести в первую очередь проблему протестных и оппозиционных настроений россиян. Даже западные социологи заметили в феноменах протестного голосования, разрыва между действиями

политических институтов (органов власти, партий) и доверия к ним со стороны общества, отсутствия четкой партийной идентификации электората, слабой зависимости политических ориентаций людей от стандартных для европейских стран экономических, социальных и идейно-политических факторов специфику политической жизни России 90-х годов [7].

Вместе с тем проблеме протестных настроений посвящено непростительно мало публикаций СОЦИСа, в 1998 г. появилась только одна статья [8]. А социологической темы оппозиции в широком смысле слова (не только партий и движений, составляющих политическую оппозицию президентской власти, но прежде всего социальной базы оппозиционных настроений) вообще как бы не существует. Данная тематика остро нуждается в серьезном объективном анализе с привлечением мониторингового материала, с учетом сложности феномена общественных настроений. Сегодня это делать почему-то трудно. Похоже, события августа 1998 г. вызвали состояние шока у российских социологов и оно пройдет нескоро.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Коган Л.Н.* Вступительное слово // Социолог, исслед. 1997. № 10. С. 7.
2. Политическая социология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 8.
3. См.: *Гавра Д.П., Соколов Н.В.* Исследование политических ориентаций // Социолог. исслед. 1999. № 1. С. 70-76.
4. *Кочанов Ю.Л.* Производство политического поля в современной России // Социолог. исслед. 1997. № 11.
5. *Тощенко Ж.Т.* Социология. М., 1998. С. 6.
6. Основы политической социологии / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М. - П. Новгород. 1998.
7. *White S., Rose R., McAllister I.* How Russia Votes. New Jersey, 1997. P. 135, 229.
8. *Кинсбургский А.В.* Социальное недовольство и потенциал протеста // Социол. исслед. 1998. № 10.